

19.08.2011

Славомир Поповский:

Военное положение в Польше было верхом профессионализма по сравнению с тем, что происходило тогда в Москве.

Славомир Поповский – московский корреспондент польского информационного агентства ПАП (1985-1990), в 1991-1995 и 2000-2003 собственный корреспондент газеты «Жечпосполита» в Москве.

Вопрос: 19 августа 1991 г. в России произошел путч. Вы в то время были корреспондентом газеты «Жечпосполита» в Москве. Когда появилась первая информация о том, что происходит?

Ответ: Я приехал в Москву 19 августа. На следующий день я еще успел передать в «Жечпосполиту» информацию о предостережениях Яковлева и пошел спать. 19 августа, около шести утра мне позвонил приятель, корреспондент из «Экспресса Вечорного» Болеслав Поровский: «Слушай, в России объявили военное положение, посмотри, что происходит». Заспанный, я сел в машину и поехал посмотреть на все своими глазами. Я ехал по Минскому шоссе, считая по дороге БТРы и танки, тянущиеся по направлению к Москве. Потом я возвращался через Ленинский проспект и проспект Мира, которые были заполнены войсками.

Первые часы было состояние ожидания и неуверенности. Политическая лихорадка среди россиян была чрезвычайно высока. Людей призывали идти на демонстрации, поэтому одни подходили к танкам, другие грозили солдатам кулаками, третьи плакали и говорили «не надо, милые, не стреляйте». Около одиннадцати часов произошла известная сцена, когда Ельцин взобрался на танк и провозгласил, что Россия и Белый Дом не подчинятся путчистам и что мы имеем дело с попыткой государственного переворота. Примерно в час дня началось строительство первых баррикад.

В то время я сравнивал то, что происходит в России с военным положением в Польше, и разница была значительная. Я жил на Кутузовском проспекте, в ста метрах от гостиницы «Украина». В нескольких стах метрах, на другой стороне реки и моста были сооружены баррикады. В здании гостиницы, одной из так

называемых московских высоток, типа нашего Дворца Культуры, находился гастроним. Это было удивительное зрелище. С одной стороны творилась история, возводились баррикады, с другой – у магазина столпилась бабушки в очереди за продуктами. Им было совершенно безразлично, что происходит перед Белым Домом.

Следующий пример: я ехал через мост к Белому Дому. Неожиданно остановился троллейбус, впереди которого уже стояло несколько других троллейбусов. Спрашиваю водителя, что случилось. Он ответил, что ему велели остановиться, и он это выполнил это распоряжение. Удивившись, я спросил: «И что, вы пойдете домой?» На что услышал ответ: «Да, возьму сумку и пойду, какое мне дело». Трудно представить польского водителя, который бы в подобной ситуации остановил автобус, взял сумку с бутербродами и отправился домой.

Самой драматичной была ночь с 20 на 21 августа, когда было непонятно, что еще может произойти. Говорили о возможном штурме Белого Дома, о прибытии войск, лояльных путчистам. Вдоль Кутузовского проспекта в два ряда стояли девушки, блокирующие проход, говоря, что танки пройдут только по их трупам. Было во всем этом больше эмоций и демонстративности, нежели реальных намерений. Хотя, правда, был один драматичный момент, когда группа защитников Белого Дома попыталась остановить танки и БТРы. Начались выстрелы, погибло три человека. Единственные человеческие жертвы того путча.

На третий день путча, 21 августа, стало ясно, что штурм не будет, а войска отводят назад. Появилась также информация, что люди Ельцина летят к Горбачеву и что путч, собственно говоря, закончился. В этот же день, вечером, Горбачев возвратился в Москву, начались аресты путчистов. Однако это была лишь половина событий.

Вопрос: *Скажите, во время августовских событий был какой-то порядок или царил хаос?*

Ответ: Поляки иногда сравнивают события в Москве с введением военного положения в Польше. Если рассматривать путч с этой точки зрения, то я даже шутил, что военное положение в Польше было верхом профессионализма по сравнению с тем, что происходило тогда в Москве. Августовский путч происходил именно так, потому что его организаторы не очень-то понимали, на что это все должно быть похоже и чего они хотят добиться. Они полетели к Горбачеву в Форос с намерением убедить его одобрить введение чрезвычайного положения в соответствии с идеями, провозглашенными среди прочих Валентином Павловым, или же физически нейтрализовать его и сделать все от его имени.

Для каждого здравомыслящего политика, а Горбачев таким был, это не было никаким выбором, и оба варианта фактически означали утрату власти. Поэтому он

на это не пошел. Правда, потом появились разные теории о том, что Горбачев вел якобы двойную игру, но я с ними не согласен.

Члены ГКЧП не имели до конца ясного плана. Неуверенным было даже заявление Язова, который поначалу вроде согласился войти в состав ГКЧП и был даже момент, что он требовал принять суровые меры. Однако в решающий момент, когда сначала от штурма Белого Дома отказалась знаменитая группа «Альфа» (отдел спецназа КГБ), а потом и отдельные лица (среди них – Павел Грачев, руководивший вводом воздушно-десантных частей в Москву) – не отдали непосредственного приказа об использовании войск. Впрочем, - и на это обратил внимание в своих воспоминаниях Александр Яковлев - в некоторых танках не было вообще боеприпасов.

Кроме того, главные актеры той драмы также не были в состоянии хорошо все организовать. Так, 18 августа в Кремле было проведено совещание, во время которого было формально образовано ГКЧП и подписаны его первые постановления. Непосредственно после этой встречи большинство его участников, в том числе Геннадий Янаев, пили до самого утра. Валентин Павлов фактически не участвовал в этом, поскольку находился в запое. А потом состоялась эта историческая пресс-конференция, на которой у Янаева тряслись руки - то ли от страха, то ли от перепоя.

Все это были дополнительные факторы, которые были причиной того, что путч временами напоминал трагикомедию, а не настоящий переворот. Этому способствовало и то, что его не поддержала ни одна республика. Был он исключительно делом Москвы. Хотя на самом деле ситуация была действительно угрожающей и напряженной, ведь было достаточно, чтобы кто-нибудь из руководителей, даже более низкого уровня, отдал приказ, чтобы разразилась война. И тогда история пошла совсем по другому пути. Тогда не было понятно, как бы повели себя другие республики, которые бы могли вытянуть руки по швам и подчиниться путчистам.

Вопрос: *Существовала ли опасность победы путчистов?*

Ответ: Необходимо понимать, что путч был организован под лозунгом защиты и единства Советского Союза, наведения порядка в государстве, а в действительности, его главной целью было недопущение до назначенного на 20 августа подписания нового союзного договора. Разумеется, был подготовлен длинный список популистских мер, обещаний улучшить систему снабжения, чтобы перетянуть общество на свою сторону, но все эти меры были бесполезны. Может быть, если бы действия путчистов были лучше продуманы, если бы они не проиграли спустя два дня, возможно, в этом случае у них было бы больше шансов.

Но и тогда, в особенно республиках, они бы столкнулись бы с опасностью гражданской войны, которая бы, наверняка, закончилась следующей эпохой «большого террора».

Вопрос: *С одной стороны были защитники Белого Дома, с другой – очереди у магазинов. Так были ли какие-то группы населения, которые поддержали путч?*

Ответ: Активно и деятельно – нет. Не было ничего такого, чтобы сторонники путчистов организовывались в группы, чтобы пойти на штурм Белого Дома. Тогда та красно-коричневая оппозиция, от которой два года спустя откололись коммунисты, когда Ельцин начал штурм Белого Дома, не была в состоянии вывести людей на улицы. Разумеется, среди танков находились люди, которые спорили, дискутировали, и среди которых находились и сторонники консерваторов, поддерживающих идею сохранения великого Советского Союза. Однако непосредственно выступлений сторонников путча не было.

Вопрос: *Почему в качестве лидера путчистов была выбрана кандидатура Янаева? Он же не был особенно выдающейся личностью.*

Ответ: Потому что их действиям надо было придать характер законности. Он был вице-президентом, а в средствах массовой информации было объявлено о том, что президент заболел, и его обязанности временно выполняет Янаев. Из материалов следствия, которое позже провела российская прокуратура, видно, что он не был до конца решителен и не был мозгом ГКЧП. Точно известно, что он стал членом хунты только 18 августа во время совещания в Кремле, и был втянут туда кем-то из своих собутыльников.

Мозгом всей операции был Владимир Крючков, который, по словам Яковлева, разрабатывал ее, по крайней мере, с марта 1991 г., а до этого совершал действия, имевшие своей целью дезинформировать Горбачева – о ситуации, настроениях в государстве и пр. Вся информация, которая доходила до Горбачева, фильтровалась Крючковым. Сильной фигурой был также член Политбюро ЦК КПСС Олег Шенин. По словам Яковлева, именно его кандидатура была выдвинута на роль главы ГКЧП. Следующей значимой фигурой был заместитель руководителя Совета обороны СССР Олег Бакланов. Это были главные фигуры ГКЧП.

Вопрос: *Вы сказали, что путч был только первой частью. Что было потом?*

Ответ: Во время путча Ельцин принял несколько решений, на которые тогда никто не обратил внимания и которые, как оказалось, имели далеко идущие последствия. Утверждая, что так того требовала ситуация, Ельцин издал указы, передающие под юрисдикцию российской власти деятельность структур КГБ, МВД и Министерства обороны на территории РСФСР. И тем самым – независимо от того, как бы ни повернулся путч – Горбачев фактически был лишен власти. После возвращения Горбачева из Фороса страной фактически правил Ельцин.

Некоторые утверждают, что ошибкой Горбачева было то, что сразу же по прилете из Фороса он поехал домой с женой, которая от пережитого стресса оказалась частично парализованной. Что он должен был бы поехать в Верховный Совет СССР, выступить там в качестве освобожденного героя и попытаться вернуть себе власть. Однако он этого не сделал, а появился там лишь на следующий день, а до этого на заседании Верховного Совета России произнес странную речь. Это было плохо воспринято депутатами. Ельцин же тогда совершил немыслимый акт – публично, на сессии Верховного Совета, где рядом сидел Горбачев, подписал указ о роспуске КПСС и признании ее ответственной за организацию переворота.

Спустя два-три дня после путча возле Белого Дома должен был состояться большой концерт и следующий митинг. Там каждый день что-то происходило, но этот митинг мне особенно запомнился, потому что я понял тогда, что что-то изменилось, кончилось, и к прошлому уже нет возврата. Тогда же у меня возникла такая горькая мысль: первый раз я увидел на этой демонстрации людей из так называемой элиты, которых ранее не видел ни у Белого Дома, ни на крупных демонстрациях демократической оппозиции. Они пришли только для того, что им нужно было продемонстрировать себя. Так в России родилась новая власть...

Вопрос: *Путч ускорил распад СССР?*

Ответ: Да, в этом нет никакого сомнения. До путча можно было еще сказать, что СССР катится по наклонной плоскости, однако запуск Новоогаревского процесса был шансом замедлить эту негативную тенденцию. Путч стал причиной того, что все это уже оказалось неактуально, он лишь ускорил агонию системы. Горбачева фактически отстранили от власти. Речь уже шла уже не только о том, что у него отобрали все структуры, а о том, что ему уже не на кого было опереться. Для всех, занятых своей собственной игрой, он был уже лишним. Горбачев еще пытался что-то делать, что-то реанимировать, но эта игра оказалась временной. Все

идеи, которые он провозгласил и за реализацию которых боролся, фактически пропали даром. Ельцин всегда оправдывался тем, что Украина не согласится, а без ее согласия ничего не сделать.

По окончании путча, в конце августа, состоялась многочисленная демонстрация, во время которой люди пришли с громадным трехцветным российском флагом со стороны Белого Дома, неся с руках портреты трех жертв августовских событий. Белый Дом был открыт для журналистов, корреспондентов, я был там тогда частым гостем. Неожиданно, ни с того, ни с сего, я оказался на длинном балконе над главным выходом, с которого выступал Ельцин. Я разговорился с Олегом Румянцевым, одним из лидеров демократической оппозиции. Когда подошел Руслан Хасбулатов, Олег спросил, что мы собираемся делать дальше. «Как что, - ответил Хасбулатов, - будем брать все: банки, предприятия, организации...»

Возвращение Горбачева из Фороса часто сравнивают со ста днями Наполеона после его побега с острова Эльбы, с той лишь разницей, что император имел возможность дать еще одну битву, а Горбачев уже не имел такой возможности. До этого его совершенно предал Запад. Я помню международную конференцию, состоявшуюся в начале сентября, которую когда-то считали весьма значимой с точки зрения пропаганды, поскольку она была посвящена защите прав человека. На нее приехали госсекретарь США Джеймс Бейкер и министры иностранных дел, в том числе наш глава внешнеполитического ведомства Кшиштоф Скубишевский. Было забавно видеть, как Бейкер неожиданно прервал свой разговор с Горбачевым, потому что Ельцин был важнее. Фактически, с ним уже не считались, и он это осознавал. После референдума о независимости Украины и подписании Беловежского соглашения, 25 декабря 1991 года Горбачев перед телевизионными камерами заявил о своей отставке.

Через некоторое время после этого я пошел на Красную площадь, чтобы посмотреть, как спускают красный флаг и поднимают русский триколор. Я был удивлен тем, что там почти никого не было. Не было никаких эмоций, ни чувства триумфа, ни трагедии, даже не было интересно.

Мне долго казалась, что ситуация на Красной площади со спуском флага есть наилучший аргумент того, что система приказала долго жить, как только ее стало некому защищать, что империя перестала существовать, и россияне ее больше не хотят. Я даже принял это как символический образ, но сейчас, когда я читаю материалы об истории перестройки и распаде Советского Союза, я прихожу к выводу, что российские граждане не осознали того, что произошло. Находясь под гнетом кризиса и нищеты, измученные постоянной политической борьбой, массовыми демонстрациями и реформами государственных институтов, и самого советского государства – которые, по сути, не дали сразу осязаемых результатов – народ в действительности так и не понял, что же происходит на самом деле. Новый

союзный договор, Новоогарёво, федерация или конфедерация, а сейчас, после Беловежской пущи, – Союз Независимых Государств. Я думал тогда, что это еще один проект, который наверняка закончится так же, как и предыдущие. И продолжаю так думать и сегодня.

В начале 1992 года я как-то встретился с нашей общей знакомой Ириной Шатуновской, заместителем главного редактора журнала «Латинская Америка». Она была яркой демократкой, либералкой. Пришла к нам возбужденная и говорит. «Вы только посмотрите, что делается. Я не могу поехать к своей семье в Литву и должна для этого оформлять визу». Я ей ответил: «Ирина, но это уже произошло, Литва – независимое государство». На что она мне ответила: «Нет, я так не хочу. Что это такое? Там живет моя семья, и я еще должна оформлять туда визу?!»

Только так россияне стали осознавать, что же в действительности произошло. Если же мы посмотрим на дальнейший ход истории, то увидим: что всего лишь спустя два года после путча нарастающий вал красно-коричневой оппозиции против режима Ельцина, закончился расстрелом «Белого дома» в октябре 1993 года. Это, по сути, и есть дальнейшее продолжение процесса.

**На русском публикуется впервые
Перевод с польского: Д.Белановский**

Опубликовано: http://www.new.org.pl/2011-08-19,przyspieszona_agonia_zwiazku_radzieckiego.html